

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128

В. В. Хилjuta*

Понимание сущности преступления в уголовном праве

Аннотация. В статье рассматриваются онтологические аспекты сущности преступления и его признаков в доктрине уголовного права и законодательстве. Преступление рассматривается сквозь призму единого системного понятия и в связке с теми признаками, которые составляют его содержание. Автор анализирует основные модели и теоретические концепции, которые могут быть задействованы в законодательной деятельности при построении родового понятия преступления и характеристике его признаков. Акцент сделан на том, что главным в формулировании сущности преступления должен являться вред, причиняемый социальным ценностям. Преступление не есть исключительно общественно опасное деяние. Деяние может быть общественно опасным, но не преступным, потому что не несет в себе заряд причинения вреда. С этой точки зрения преступлением должно признаваться наносящее вред охраняемым ценностям деяние, которое совершено физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе.

Ключевые слова: преступление; признаки преступления; состав преступления; вред; общественная опасность; деяние; причинение вреда; уголовный закон; социальные ценности; уголовное право.

Для цитирования: Хилjuta В. В. Понимание сущности преступления в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 113–128. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128.

Understanding the Fundamental Nature of Crime in Criminal Law

Vadim V. Khilyuta, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Republic of Belarus
tajna@tut.by

Abstract. The paper examines the ontological aspects of understanding the fundamental nature of a crime and its characteristics in the doctrine of criminal law and in legislation. The crime is viewed through the prism of a single systemic concept and in connection with those features that fill its content. The author analyzes the main models and theoretical concepts that can be involved in legislative activity when constructing a generic concept of crime and characterizing its features. The emphasis is given to the fact that the main thing in formulating the essence of the crime should be the harm caused to social values. Crime is not an exclusively socially dangerous act. An act may be socially dangerous, but not criminal, because it does not carry a charge of causing harm. From this point of view, it is argued that an act that causes harm to protected values, committed by an individual is guilty and the elements of which are specified in the criminal law, should be recognized as a crime.

© Хилjuta В. В., 2024

* Хилjuta Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
Ожешко ул., д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230020
tajna@tut.by

Keywords: crime; signs of a crime; elements of a crime; harm; public danger; act; causing harm; criminal law; social values; criminal law.

Cite as: Khilyuta VV. Understanding the Fundamental Nature of Crime in Criminal Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(5):113-128. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.113-128.

Подоплека вопроса. Понимание преступления в уголовном праве представляет собой известную сложность. И несмотря на законодательное определение преступления, этот вопрос никогда не утихнет. А все потому, что учение о преступлении — это всегда система определенных гипотез, которые отражают различные подходы к пониманию его сути и содержания. Эти подходы различны потому, что в их основе лежат разноплановые теоретические суждения, обосновывающие преступление как социальное и правовое явление. И ввиду того, что правовая догматика в этом вопросе неединообразна, отражает различные пласты явлений и т.д., консенсуса здесь никогда не будет. По этой причине вопрос о понимании того, что такое преступление, в настоящее время приобретает особые формы и значение.

Если попытаться в обобщенном виде представить различные системы относительно преступления, то, на наш взгляд, существуют два диаметрально противоположных подхода к пониманию учения о преступлении. *Первый подход* базируется на том, что преступление есть единое, монолитное явление, которое не может быть разделено на составляющие. Образно говоря, здесь преступление всегда рассматривается как выход за пределы дозво-

ленного. В этом контексте преступление можно рассматривать как посягательство на установленный правопорядок (на право, объективную правовую данность) либо как посягательство на межличностные отношения (обида, неправда)¹. Как видим, в этом случае основной упор делается на сам акт преступного поведения с точки зрения социального значения и сущности². *Второй подход* основывается на противоположных постулатах, которые указывают на то, что в познавательном плане в преступлении должны анализироваться все составляющие признаки (элементы). Иначе говоря, сущность преступления здесь видится в тех признаках, которые его составляют и характеризуют в определенной плоскости. Именно второй подход сегодня является преобладающим как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике. И в данном случае учение о преступлении имеет своей задачей разработку категорий, которые бы позволили создать целостную систему о преступлении.

В то же время следует иметь в виду, что понятие преступления чисто правовое и, с одной стороны, составляет часть науки уголовного права, а с другой — служит применению уголовного закона. Отсюда следует вопрос, который всё еще является актуальным для многих постсовет-

¹ Некоторые в этой связи считают, что сущность преступления — это его общественная опасность. Так, А. И. Плотников указывает: «Реальный акт общественно опасного поведения, являющийся предметом уголовно-правовой оценки, представляет собой неразрывное единство объективных и субъективных сторон в их слитности, органическую (металогическую) целостность, которая не может рассматриваться как отдельные элементы, арифметически (механически) соединенные в единое целое. В силу этого фиксация отдельных элементов предусмотренного законом деяния является недостаточной для вывода о наличии преступления без установления его сущности — общественной опасности» (Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 13). Это действительно так (в части неразрывного единства всех признаков преступления), однако такой анализ происходит, чтобы глубже постичь отдельные элементы преступления и его структуру в целом.

² С. А. Бочкарев отмечает, что всё это дает основание утверждать о том, что преступление по своей «материи» больше и весомее, чем простая комбинация внешних актов. Физические действия являются лишь необходимой принадлежностью всякого органического существа (Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 158).

ских стран, должно ли понятие преступления быть сугубо формальным или же оно должно отражать и материальную часть, с которой связывается признак общественной опасности³.

Впрочем, если мы говорим о том, что учение о преступлении есть некая система элементов (признаков), то возникает вопрос, что же является стержнем данной системы, на который «нанализуются» все составляющие. Укажем на четыре принципиальных аспекта в учении о преступлении. Однако, по нашему мнению, для выявления сути преступления всегда важны два обстоятельства: вред и ценность социального блага (интереса), которое подвергается посягательству.

Преступление — это исключительно деяние. Доминирующим сегодня является суждение, что преступление есть человеческое поведение или деяние (действие или бездействие). Речь идет о том, что преступление — это *деяние*, т.е. юридический факт уголовного правоотношения, которое всегда обладает рядом признаков. В этом плане преступление ассоциируется исключительно с поступком человека (преступление — конкретный акт человеческого поведения, который имеет начало и окончание и выражается вовне).

Таким образом, преступление — это всегда деяние человека как реальное физическое явление. И, как отмечается в правовой литературе, «в социальной природе преступления основной акцент делается на поведенческом акте человека, нарушающем сложившийся в обществе материальный порядок»⁴. Деяние считается преступлением, если оно обладает специальными признаками, которые образуют состав преступления⁵. В данном случае именно деяние (действие или бездействие) определяет структуру и сущность преступления, потому что иные элементы (или признаки) его характеризуют: общественная опасность, виновность, противоправность. Вопрос состоит только в том, сколько будет таких признаков и каким образом они будут соотноситься между собой. С этой точки зрения законодательное описание преступления может носить формальный или материальный характер⁶. Однако и противоправность, и общественная опасность характеризуют именно деяние лица⁷.

В этом ракурсе деяние как генеральный признак преступления в основном определяется через его материальную или формальную (нормативную) составляющую, когда раскрываются антисоциальный характер преступления, его

³ Как полагает З. Стоянович, «включение в понятие преступления материального элемента... открывает дорогу произвольному применению уголовного права, давая возможность возвышать материальный элемент над формальными» (Стоянович З. Определение общего понятия преступления в сербской науке уголовного права // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы IV Всерос. науч. конференции с междунар. участием / отв. ред. Е. С. Трезубов. М., 2020. С. 783–784). Поэтому, на его взгляд, если классическое понятие преступления основывается на строгом соблюдении принципа законности и других постулатах либерального правового государства, то общественная опасность и уголовная ответственность (в субъективном смысле) не только не проистекают из идеи правового государства, но и, напротив, имеют целью релятивизировать эту идею.

⁴ См.: Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 229.

⁵ См.: Третьяков И. Л. Учение о преступлении в российском уголовном праве // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 10. С. 121 ; Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 8.

⁶ Фактически в основе сегодняшнего законодательного определения преступления как деяния лежат идеи немецких философов и криминалистов XIX в., которые стремились совместить постулаты канонического права и идеи буржуазных революций того времени.

⁷ Тем не менее в правовой литературе распространено суждение о том, что сущностью преступления выступает общественная опасность посягательства, т.к. именно она выделяет преступление среди других его признаков (см.: Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск : Омская академия МВД России, 2012. С. 17).

вредоносность и степень опасности (материальный подход), либо же упор делается на запрещенности деяния уголовным законом, т.е. противоправности (формальный подход)⁸. По сути, общественная опасность и противоправность характеризуют само деяние, и законодательное описание преступления как раз основано на том, что все признаки преступления ориентированы на деяние человека. При этом остается за скобками то обстоятельство, что такое деяние является преступлением лишь потому, что оно способно причинить или причиняет существенный (наиболее значимый) вред конкретной личности, обществу или государству.

При такой постановке вопроса признаки преступления, а точнее деяния, могут меняться (добавляться новые или исключаться уже имеющиеся), но в любом случае акцент делается на том, что преступление — это всегда деяние. Так, Т. В. Кленова предлагает в качестве преступления рассматривать «общественно опасное, виновное, запрещенное, порицаемое деяние, за которое возможны уголовное наказание и (или) иные меры уголовно-правового характера»⁹. Основной акцент ею делается на том, что любое преступление должно быть порицаемым, и в этом случае суть порицания состоит в признании от имени государства общественно опасного поведения человека преступлением, признание определенных вида и категории деяний преступными путем их криминализации и последующей официальной квалификации¹⁰. Таким образом, деяние — это базис в определении понятия «преступление», и суть преступления никогда не изменится от того, каким образом законодатель опишет его объективную сторону.

Преступление как оценочное понятие. Преступление может рассматриваться и в контексте западноевропейской (в большей степени англосаксонской) традиции, когда фактически материально-правовое содержание преступления отождествляется с процессуальным и его сущность наполняется правоприменительной практикой. Иначе говоря, имеет место оценочное понятие преступления. В данном случае преступление — «это признанное судом в соответствии с материальным или процессуальным правом нарушение, когда суд находит целесообразным возложить на нарушителя специфические меры ответственности, позволяющие лишь при условии признания лица преступником»¹¹. Такая постановка вопроса всегда оставляет незаконченный вид общего понятия преступления, т.к. в конечном итоге именно правоприменитель (судья) решает вопрос о том, преступно ли конкретное деяние человека или же нет. Если, например, возмещен причиненный вред (ущерб), нет смысла применять наказание к лицу, совершившему преступное деяние и т.д., то суд, учитывая все обстоятельства дела, может объявлять нарушение уголовного закона непроступным. То есть именно суд, руководствуясь личным, внутренним убеждением, наполняет понятие преступления и легитимизирует последующие решения, осуществляя уголовно-правовую квалификацию.

Тем не менее нельзя сказать о том, что в настоящее время правоприменитель полностью лишен такой возможности. В рамках существующей модели применения уголовного закона оценка совершенного деяния дается на предмет его общественной опасности, и если в конкрет-

⁸ Вместе с тем в юридической литературе поднят вопрос о том, что формально-материального определения преступления быть не может, их уголовно-политический смысл различается настолько, что «образование новой уголовно-правовой категории путем их синтеза, согласования невозможно». Поэтому, как утверждает Т. И. Нагаева, «с уголовно-политической точки зрения формальное и материальное определения понятия преступления являются категориями-антагонистами» (Нагаева Т. И. *Формы и виды преступного деяния* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 18).

⁹ См.: Кленова Т. В. О практике квалификации преступлений в свете теории преступления // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 2. С. 23.

¹⁰ Кленова Т. В. Указ. соч. С. 23.

¹¹ См.: Пашин С. А. Понимание преступления // *Уголовное право*. 2000. № 3. С. 87.

ном случае с учетом всех обстоятельств дела и направленности действий лица суд или иной правоприменительный орган придет к выводу о том, что деяние не представляет большой общественной опасности, т.е. является мало-значительным, то происходит констатация отсутствия преступления в деянии конкретного лица. Вопрос только в том, каким образом наполняется категория «общественная опасность» в этой ситуации.

Преступление — это правоотношение. Преступление может пониматься и как правоотношение (или общественное отношение), противозаконное, преступное, но всё же отношение (неправильное отношение человека к другим людям). В этом ракурсе *преступление есть предусмотренное уголовным законом общественно опасное посягательство на общественные отношения, виновно совершенное вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности*¹². То есть здесь сущность преступления заключается в нарушении существующих общественных отношений. Иначе говоря, «будучи социальным поведением человека, преступление являет собой фрагмент взаимодействия преступника с другими участниками общественных отношений, интересы которых поставлены под охрану уголовного закона». Поэтому, «воплощая в себе представления о должном, официальное определение преступного поведения содержит в себе итог взаимодействия законодателя с общественным мнением, выражающим оценки и карательные притязания населения»¹³.

Следовательно, преступление есть и нарушение правовой нормы, и реальный феномен. Иначе говоря, преступление рассматривается как противоправное отношение. Этот подход берет за основу постулат о том, что если идет речь об общественных отношениях, то именно люди рассматриваются как объект воздействия, а равно как участники данных общественных

отношений. Преступник и потерпевший выступают в качестве субъектов данных отношений, с одной стороны, а с другой стороны, таким субъектом является государство, которое формулирует правила поведения и устанавливает меру ответственности за их нарушение. Поэтому преступление — это определенное преступное отношение одного человека к другим людям и организациям, их интересам и т.д., т.е. определенное отношение к объекту посягательства¹⁴. Таким образом, преступление выступает в такой конструкции частным случаем правоотношения (преступление — особое общественное отношение).

Фактически суть данной теории сводится к тому, что преступление есть отношение человека к объекту посягательства. Определение преступления посредством описания его объективных и субъективных признаков выглядит неполным. Примечательно, что нельзя из понятия преступления выводить его субъекта, т.е. лицо, которое и совершает опасное деяние, посягает на общественные отношения и причиняет вред объектам уголовно-правовой охраны. В данном случае сущность преступления выражается в его посягательстве на господствующие общественные отношения.

Таким образом, преступление в данном ракурсе не ассоциируется исключительно с человеческим поведением, а является таковым только тогда, когда установлена связь между деянием (поведением человека) и конкретной уголовно-правовой нормой либо конкретными личностями (людьми).

Тем не менее, хотя мы и говорим о том, что преступление явление социальное, оно всё же имеет антисоциальную окраску, разрывая существующие связи, установленный правопорядок и общественные отношения. И вряд ли в этом отношении можно согласиться с утверждением Г. П. Новоселова о том, что «социальная сущность преступления состоит не в том, что оно

¹² См.: Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М. : Юрид. лит., 1974. С. 89.

¹³ См.: Пермяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 14.

¹⁴ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч. С. 77.

посягает на общественные отношения, нарушает их, причиняет им вред и т.п., а в том, что преступление есть определенный вид отношений между людьми»¹⁵. То есть преступление — отношение человека к другим людям, где главным является не поведение, а именно отношение.

Вопрос здесь состоит в том, на чем именно мы делаем акцент или в какую сторону пытаемся сместить ключевые моменты общего понятия «преступление». Ведь одно и то же явление мы можем рассматривать с различных сторон, описывая его признаки и характерные черты. Но здесь важно не потерять нить, поскольку можно говорить о том, что преступление посягает на определенные отношения, ценности; преступление есть деяние само по себе, и это является его сущностью; преступление — это правоотношение, преступное отношение к объекту посягательства, и т.д. Однако все эти сентенции не отвечают на вопрос о том, почему то или иное поведение человека (посягательство, деяние, противоправный акт и т.п.) объявляется преступным.

Связано ли преступление с причинением вреда? На наш взгляд, преступление всегда связано с причинением *вреда*. И именно причиняемый человеческим поведением вред предопределяет сущность преступления, поскольку он всегда связан с теми ценностями, которые подвергаются посягательству. Нормативное определение понятия «преступление» и выводимые из него признаки не в полной мере отражают объективную реальность. И если мы ведем речь о преступлении, то основной акцент все-таки должен быть сделан не на деянии, как это имеет место сегодня («преступление — это деяние, которое характеризуется...»). Преступление всегда связано с тем, что нарушаются прежде всего установленные правила поведения и в результате этого *причиняется вред* (или есть вероятность причинения такого вреда) определенным отношениям (а равно благам, социальным ценностям, интересам, лицам и т.п.). Поэтому, если

в результате определенного нарушения установленных правил не причиняется вред (чему-либо или кому-либо), то мы не можем говорить о том, что в результате *акта человеческого поведения*, пусть даже этот акт и связан с нарушением установленных правил, совершается деяние, которое мы именуем преступлением¹⁶. В данном случае преступление — это негативное отношение виновного лица к установленному порядку поведения в обществе. Таким образом, *суть преступления состоит в том, что нарушается установленный порядок и в результате этого причиняется вред*¹⁷.

Дело в том, что уголовная ответственность с формальной точки зрения не может сводиться к тому, что мы будем наказывать только «голое» деяние, а не *деяние человека*. Преступление — это не просто деяние, а акт *человеческого поведения*. Если мы говорим о том, что преступление причиняет вред чему-то или кому-то (а если не причиняет, то это уже объективно не преступление), то вполне понятно, что объект преступления (а точнее, объект состава преступления) является производным от последствия — причинения вреда. Именно от того, что кому-то или чему-то причиняется вред, мы далее ведем речь о том, что страдают в конечном счете конкретные общественные отношения, блага, ценности и т.п.

В данном случае именно вследствие причинения вреда возникают последствия, и поэтому мы указываем на то, что такое поведение лица является преступным. Потому что причиняемый вред, его значимость и опасность предопределяют преступное деяние. Но не наоборот! Деяние не посягает на какие-то общественные отношения, и, более того, не могут общественные отношения (блага, ценности) являться объектом преступления, т.к. они не первичны, а вторичны.

Если преступление связано с причинением вреда, то именно вред характеризует те последствия, которые наступают или могут наступить в результате совершения определенного деяния.

¹⁵ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2001. С. 88–89. Это суждение в последующем и позволило данному ученому прийти к выводу о том, что если рассматривать преступление как некоего рода отношение человека к другим людям, то это делает невозможным толкование объекта преступления в качестве общественного отношения.

Иначе говоря, если мы признаем, что объектом преступления являются общественные отношения, и это буквально означает, что происходит посягательство на общественные отношения, то такое посягательство так и остается посягательством, ибо является ли это посягательством преступным или нет, мы узнаем, только ответив на вопрос, причинен ли вред в результате совершения посягательства и тем самым нарушены ли определенные общественные отношения.

Значит, можно предположить, что если объект преступления произведен от последствия, т.е. того вреда, который возникает или может возникнуть в результате совершения деяния, то никакого объекта преступления не существует. Однако здесь вопрос следует ставить иначе. Вполне понятно, что изначально совершается деяние, которое причиняет вред. Но вопрос о том, что противоправное деяние всегда направлено на что-то (или кого-то), чисто теоретический, плод умозрительных конструкций. Противоправное деяние всегда причиняет вред. И объем этого вреда, его социальная опасность формируют понятие преступления. Здесь следует сделать только оговорку относительно того, что последствия, о которых мы говорим, не идентичны преступным последствиям как признаку объективной стороны состава преступления. В результате совершения противоправного деяния возникают те негативные изменения, которые прямым образом оказывают

влияние на функционирование общественных отношений. Однако этот вопрос является вторичным.

Характеристика деяния как главного признака преступления в действующей модели уголовного закона. Деяние как признак преступления получает свое внешнее выражение в самых разнообразных формах — от простого единичного акта поведения до самых разных видов, сложных событий и процессов. Некоторые из них содержат лишь минимум воли, проявляющейся в каком-нибудь телодвижении, тогда как другие предполагают сложное поведение субъекта, которое содержит в себе проявление различных сторон его личности и направлено на достижение определенной цели. Все эти формы человеческой активности охватываются общим понятием деяния, которое по определению не должно включать в себя больше ничего, что входило бы в содержание других элементов общего понятия преступления¹⁸.

Деяние называют «фундаментом» уголовной ответственности, ядром преступного посягательства, без которого преступление считается невозможным. Оно всегда первично и представляет собой акт поведения человека в системе социальных отношений; деяние также конкретно и совершается виновным в определенных условиях, месте, времени, обстановке и т.д., следовательно, деяние — проявление поведения человека во внешнем мире¹⁹. В данном

¹⁶ Д. В. Мирошниченко обращает внимание на то, что «опасность будет представлять только тот вред, что причинен субъектом, обладающим сознанием и волей. Значит, вред объективным быть не может. В противном случае мы признавали бы как вред все то, что может и способно причинить нам вред, а значит, всё это является преступлением» (Мирошниченко Д. В. Сущность преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3. С. 75). Однако определяющая составляющая как раз в том, что вред причиняется именно человеком, в результате его действий (или бездействия) наступают негативные последствия, которые и составляют суть преступления, т.к. такой вред является наиболее значительным или вредоносным.

¹⁷ См.: Хилjuta В. В. Уголовное право в эпоху перемен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 152–159.

¹⁸ См.: Стоянович З. Указ. соч.

¹⁹ См.: Велиев И. В. Об объективной стороне преступления. М.: Юркомпани, 2009. С. 70; Ключко Р. Н. Деяние как признак объективной стороны преступления // Вестник Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. Серия «Правоведение». 2016. № 6. С. 95.

Тем не менее, как отмечает Т. И. Нагаева, «характеристика форм преступного деяния (“действия” и “бездействия”) в российском уголовном праве не претерпела никаких изменений со времен господ-

случае деяние выполняет различные функции, выступая в качестве основного элемента преступления, а также разграничивая и связывая его остальные элементы (признаки).

Деяние может рассматриваться как в узком (собственно сам процесс действия или бездействия), так и в широком смысле. В последнем случае под определение деяния подпадают все признаки объективной стороны: действие, бездействие, преступные последствия, причинная связь между деянием и последствием и иные факультативные признаки. Тем не менее узкое понимание деяния как признака преступления не характеризует сам внешний процесс совершения преступления. Деяние — это определенный поступок, поведение индивида, реализованный акт свободной воли.

С психологической точки зрения преступное деяние рассматривается как мотивированное, целенаправленное, сознательное, волевое проявление противоправной активности²⁰. Однако мы не должны забывать о том, что преступное деяние обладает всеми теми же признаками, которые свойственны любому человеческому поведению²¹. В данном случае преступное поведение отражает личностные компоненты индивида и специфический характер внешних воздействий, которые могут иметь место. Таким образом, преступление является результатом человеческого поступка²². Здесь имеет место такая же поведенческая реакция, совершаемая с

соблюдением незыблемых законов психофизиологии, как и любое другое действие человека. Как акт поведения преступление обладает всеми особенностями, присущими поведенческой реакции, за тем лишь исключением, что преступное поведение строго осуждается не только морально-нравственными предписаниями, но и государством²³.

С этих позиций (а точнее, преломляя знания психологии к уголовному праву) мы можем говорить о том, что любое деяние для того, чтобы его признали преступлением, должно быть: а) осознанным (лицо понимает обстоятельства совершаемого деяния); б) волевым (лицо руководит своим поступком); в) целенаправленным (лицо стремится к желаемому результату); г) мотивированным (в основе деяния лежит потребность человека).

Следовательно, преступление можно рассматривать как волеопределяемый, сознательный, мотивированный и целенаправленный поведенческий акт, представляющий собой деяние, слагающееся из действий или бездействия²⁴. И, как полагает Т. И. Нагаева, «с точки зрения состава преступления как условной юридической конструкции, определяющей необходимость уголовно-правовой реакции (наказания), объективный признак “деяние” служит исключительно для установления конкретного факта объективной действительности как внешнего проявления сознания и воли, т.е. факта вклю-

ства классической школы уголовного права. Дифференциация условий противоправности “действия” и “бездействия” в классической российской доктрине была обусловлена пониманием преступного деяния как посягательства на правовую норму». Поэтому, на ее взгляд, «употребление законодателем терминов “деяние”, “действие”, “бездействие” не соответствует традиционным представлениям о деянии только как о родовом понятии по отношению к “действию” и “бездействию”» (Нагаева Т. И. Указ. соч. С. 3).

²⁰ См.: Шипунова Т. В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003.

²¹ См.: Львова Е. Ю. Социальная и юридическая сущность преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.

²² Следовательно, обязательным условием является именно действие физического лица, события, вызванные животными, силами природы и т.п., не подпадают под концепцию уголовно наказуемого деяния. Поведение лица, которое совершалось в бессознательном состоянии или было обусловлено рефлексам, также не относится к преступному деянию (сюда, однако, не подпадают различного рода аффекты и автоматизмы).

²³ Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавриата : в 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 97.

²⁴ Уголовное право. Общая часть. Т. 1. С. 98.

чения внутренних детерминант (сознания и воли) в общий процесс взаимодействия с окружающим миром»²⁵. Однако такое определение преступления больше свойственно умышленным деяниям, т.к. мотивированность и целенаправленность, а в ряде случаев и осознанность, могут в полной мере отсутствовать в неосторожных преступлениях (в особенности при небрежности), где речь можно вести лишь об упречном поведении лица, а не о сознательно-волевом и мотивированном деянии. Наряду с этим, при такой постановке вопроса происходит смешение объективных и субъективных признаков преступления, т.к. сознание и воля больше тяготеют к субъективным элементам самого преступления²⁶.

Более того, преступление нельзя в чистом виде отделить от лица, его учиняющего, поскольку в любом случае именно человек совершает преступление. В этом отношении уголовное право не может концентрироваться сугубо на объективном элементе преступления — «голом» деянии — безотносительно самого деятеля. Ведь, как бы там ни было, мы осуждаем не деяние, а человека, его совершившего. Даже при условии, что преступление тесно связано с ответственностью, в конечном итоге все упирается в человека, субъекта преступления, т.к. уголовная ответственность возлагается на лицо. И в таком случае уголовная ответственность направлена на самого человека, а не на его деяние, наказывать и возлагать ответственность на деяние бессмысленно. Преступление или

деяние не может быть ответственным, к уголовной ответственности привлекается конкретное лицо (физическое или юридическое (в странах, которые допускают привлечение корпоративных образований к уголовной ответственности)). Поэтому в любом случае упреку подлежит человек, совершивший преступление. И отрывать деяние от деятеля и на этом основании выстраивать концепцию преступления как общественно опасного и противоправного деяния не совсем верно.

Преступление представляет собой разновидность человеческого поведения²⁷. Однако не любое поведение заслуживает упрека. Уголовная ответственность может наступать лишь за такое поведение, которое причиняет или способно причинить вред (различным отношениям, интересам, благам, ценностям). Следовательно, если поведение человека не в состоянии причинить реального вреда, то оно не может считаться преступным.

С другой стороны, указание в законодательной формуле на то, что преступление — это исключительно деяние (действие или бездействие) сужает рамки самого внешнего акта поведения человека, поскольку при такой обрисовке объективных признаков преступления за его границами остаются иные элементы: последствия, причинная связь и т.д. Поэтому для констатации преступления недостаточно установить лишь факт совершения деяния (действия или бездействия). В данном случае принципиальное значение имеют и иные обстоятельства самого

²⁵ Нагаева Т. И. Указ. соч. С. 10.

²⁶ Как отмечает А. И. Плотников, «деяние в уголовно-правовом смысле не совпадает полностью с деянием в психофизиологическом значении, что определяет недостаточность оценки его лишь как психофизиологического акта. В целом оно представляет собой специфическое социально-правовое образование, основанное на психофизиологических свойствах, но не исчерпывающееся ими, а дополняемое нормативными (например, “должен и мог” при бездействии), в том числе условно фактическими элементами (приготовление при неудавшемся соучастии, покушение при ошибке в объекте и т.п.)» (Плотников А. И. Указ. соч. С. 15–16).

²⁷ Например, А. А. Тер-Акопов исходил из того, что деяние представляет собой поведенческий акт воздействия субъекта на объект и характеризуется тремя признаками: физическим (физиологический акт передачи субъектом материи, энергии, информации), социальным (такой акт имеет социальный смысл и значимость) и волевым (самостоятельное решение человека об осуществлении действия или воздержания от него) (Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юстина, 2003. С. 46–47).

поведения человека (противоправного акта) вкупе с иными объективными и субъективными признаками преступления.

Не без оснований поэтому многие правоведы утверждают о том, что определяющим в понимании внешней стороны преступления является не деяние, а поведение человека²⁸. Так, В. В. Мальцев указывает, что в термине «общественно опасное поведение» наиболее четко представлены свойство общественной опасности с предметом — поведением, ее порождающим²⁹. То есть, согласно данной позиции, общественно опасное поведение обуславливает структуру и содержание уголовного права. И в этой плоскости деяние является элементом структуры общественно опасного поведения. Отсюда вытекает вывод о том, что поскольку общественно опасное поведение как единственный источник антисоциального свойства есть поведение человека, то элементом структуры такого поведения является и лицо, совершающее общественно опасное деяние³⁰. То есть речь идет о деятеле, а значит, в определении преступления должно найтись место лицу, совершающему опасное деяние (посягательство, поведение).

Справедливости ради надо отметить, что нельзя один и тот же термин (деяние) использовать для обозначения преступления в целом и для характеристики внешних форм преступного поведения. Деяние может совершить и малолетний, и невменяемый, но от этого деяние этих лиц так и остается деянием, хотя и не является преступлением. Действия (бездействие) могут быть различными, как правомерными, так и неправомерными. Однако если мы говорим о таких действиях, которые образуют преступление, то они должны иметь иную окраску, поскольку

посягают на охраняемые отношения и способны причинить вред. Нормативное определение преступления обуславливает его объективные признаки, и в любом случае признаки деяния устанавливаются на основе анализа конкретной уголовно-правовой нормы, что указывает на то, что преступление в первую очередь — это поведение лица.

Но и в данном случае деяние находится в плоскости материального определения преступления, ибо в такой пропозиции сущность деяния состоит в причинении вреда охраняемым уголовным законом ценностям (общественным отношениям). Безусловно, деяние первично, а вред вторичен. Кроме того, «сам по себе факт причинения лицом вреда интересам личности, общества и государства не может влечь уголовную ответственность, если не будет установлено, что этот вред причинен деянием, которое по закону является преступным»³¹. Однако преступно ли такое деяние или нет, определяется с учетом того вреда, который был причинен (или вероятность причинения которого была), его существенности и значимости. Поэтому здесь имеет место некая рефлексия, т.к. деяние всегда первично, а вред вторичен, но именно вред наделяет деяние признаками противоправности и общественной опасности. То есть имеет место некий обратный процесс.

В этом аспекте нередко указывается, что «традиционного понятия деяния уже недостаточно для обобщения таких сложных и разнообразных видов преступного поведения»³². Поэтому предлагается говорить о преступной деятельности, слагающейся из различного количества преступных актов. В данном случае преступная деятельность является системой опосредованных поведенческих актов, образованной

²⁸ Так, А. М. Герасимов сетует на то, что «совершенное деяние отражает только характер общественной опасности содеянного, но не высвечивает ее степень» (Герасимов А. М. Указ. соч. С. 251).

²⁹ Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. М. : Юрлитинформ, 2017. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве. С. 63.

³⁰ Мальцев В. В. Указ. соч. С. 110.

³¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 6 : Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 370.

³² См.: Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. С. 332–333.

множественностью единых преступных деяний, взаимно дополняющих друг друга, т.е. речь идет о таком поведении, которое направлено на достижение определенной преступной цели.

Можно преступление связывать и с преступным поведением, посягательством и т.д.³³, поскольку уголовное право регулирует поведение только людей. И в этом нет ничего предосудительного, т.к. преступление проявляется в поведении и деятельности человека. И если деяние, действительно, является объективным признаком в понятии преступления, то оно должно иметь только единственное значение, которое бы не перекликалось с понятием деяния как признака объективной стороны состава преступления.

Следовательно, когда мы говорим о том, что в действующей модели понятия преступления и его признаков деяние должно быть общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым, то это не совсем верно, т.к. все вышеуказанные признаки характеризуют не деяние, а само понятие преступления, в то время как деяние является таким же признаком, как и все остальные, в определении преступления. Нельзя на деяние переносить все признаки преступления. Преступление является (или признается) таковым, потому что оно причиняет вред. Но вред не зависит сугубо от самого деяния, существуют и иные характеристики (способ, орудия, средства, вина, мотив, цель, объект посягательства и т.д.), которые формируют общественную опасность, но не деяния, а преступления в целом³⁴. В самом деянии заклю-

чен лишь потенциальный вред, который может быть причинен.

Определенно, деяние не может являться одним и тем же признаком структуры преступления и состава преступления. Причем, если в понимании преступления деяние является его фундаментом, то в рамках состава преступления, будучи одним из признаков объективной стороны, оно выполняет крайне узкую роль и имеет малую специфику, поскольку не способно отразить весь спектр преступного поведения лица. Это указывает только на то, что состав преступления является искусственной конструкцией, подменяющей общее понятие преступления и его признаки, ввиду чего смещаются акценты. Такое положение дел заставляет нас говорить о некоем дублировании в рамках общего учения о преступлении и об основании уголовной ответственности, поскольку единственным основанием уголовной ответственности является совершение преступления, а не состав преступления.

Вред есть генеральный (конструктивный) признак преступления. При анализе существующих законодательных признаков преступления нельзя не обратить внимание на то, что главным образом выделяются материальные и формальные его составляющие. Однако если мы говорим об особой значимости общественной опасности и противоправности в структуре преступления, то следует сказать о том, что любое преступление представляет собой такой поведенческий акт, который способен причинить (или причиняет) значимый вред, представляет опасность, а потому является неприемлемым.

³³ Посягательство предполагает активную деятельность человека, в то время как преступление может выражаться и в бездействии. Здесь можно согласиться с А. И. Марцевым в том, что деяние как объективный признак преступления должно включать в себя не только поведение или деятельность человека, но и сами преступные последствия (Марцев А. И. Указ. соч. С. 25). В этом отношении преступные последствия производны от деяния, и они не тождественны преступному вреду, который имеет место в результате совершения преступления, поскольку наносимый или потенциальный вред предопределяет само поведение лица и возводит его в «ранг преступления».

³⁴ Как отмечал А. А. Тер-Акопов, всякое «преступление общественно опасно потому, что содержит опасное деяние. Однако общественная опасность преступления не исчерпывается опасностью деяния, на нее влияют и иные обстоятельства, которые усиливают или ослабляют опасность преступления». Поэтому попытка «нагрузить» деяние признаками окончательного преступления ведет к отождествлению самого деяния с преступлением (Тер-Акопов А. А. Указ. соч. С. 13–14).

Если поведение человека не в состоянии причинить вред и не могло объективно привести к этому, то каким бы ни было деяние, оно не может признаваться преступным. Вред является не столько последствием преступного деяния, сколько его катализатором, потому что в зависимости от его размера и значимости вырисовывается общее понимание того, имеем ли мы дело с преступлением или иным правонарушением (проступком).

В любом поведении человека важен его результат, а именно то последствие, которое может наступить, а не сама деятельность как таковая, лишенная конечного элемента. Целенаправленная деятельность без конечного результата становится неэффективной и теряет свое значение. Суть любого целенаправленного поведенческого акта не состоит только в осуществлении деяния (действия или бездействия): деятельность должна приводить к результату, иначе она бессмысленна³⁵. Ведь деяние может и остаться таковым, оно может быть одинаковым как в преступлении, так и в правонарушении, но именно ввиду вреда одно и то же деяние будет отнесено либо к преступлениям, либо к правонарушениям, потому что в данном случае определяющим является урон тем ценностям, которые подвергаются воздействию или на которые происходит посягательство. Но одно и то же посягательство на одни и те же ценности, правовые блага, общественные отношения и т.д. может порождать неравнозначные последствия (результат). Однако только в зависимости от характера и значимости наносимого вреда можно выявить опасность совершаемого деяния и охарактеризовать его как преступление.

Вред выражается в совокупности отрицательных последствий правонарушения (преступления), представляющих собой нарушение установленного правопорядка, дезорганизацию общественных отношений и умаление, уничтожение какого-либо блага, ценностей, социального интереса, субъективного права, стеснение свободы поведения других субъектов и т.д. Характеристика вреда зависит от вида социальных ценностей и значимости нарушенных интересов, поэтому вред можно измерить либо нет, он может быть материальным или моральным, существенным и несущественным³⁶.

По своей природе вред является социально-правовым понятием, и в наиболее общей форме он определяется как последствие посягательства на общественные отношения и нарушения охраняемых законом прав и интересов граждан, общества, государства³⁷. Итак, вред прежде всего является социальным понятием и неотъемлемым признаком любого правонарушения, в том числе и преступления, где он всегда более значим и существен. Способность преступления причинять вред охраняемым отношениям и ценностям — необходимое объективное свойство любого противоправного поступка. И в данном случае вред должен быть указан в определении преступления не опосредованно (посредством указания на общественную опасность деяния), а непосредственно, т.к. именно причиняемый вред характеризует общественную опасность любого деяния, дифференцирует преступление и проступок, а равно правонарушение. В такой ситуации вред является катализатором и противоправности, поскольку в зависимости от объема и значимости вреда законодатель

³⁵ С. В. Землюков по этому поводу указывал, что «связь результата с объективными и субъективными элементами деятельности позволяет рассматривать его в качестве основного критерия социальной эффективности и ценности деятельности». По этой причине «результат является объективным систематизирующим элементом деятельности» (Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск : Алт. гос. ун-т, 1991. С. 17–18).

³⁶ См.: Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М. : Проспект, 2021. С. 49.

³⁷ См.: Степанова В. В. Соотношение общественной опасности и вредности правонарушения // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 119.
Отсюда порой и выводится положение о том, что суть общественной опасности состоит в вероятности причинения вреда охраняемым ценностям.

решает вопрос об отнесении того или иного деяния (поведения лица) к разряду преступных.

Важно, что вред нами рассматривается не как признак объективной стороны состава преступления в качестве преступного последствия (результата), а как самостоятельный признак преступления. Это очень значимый момент, поскольку зачастую вред ассоциируется исключительно с преступным последствием (результатом) в рамках объективного элемента состава преступления. Однако, на наш взгляд, он имеет иную правовую природу.

Таким образом, вред является необходимым элементом преступной деятельности, поскольку любое деяние должно причинить вред (или создать угрозу его причинения). И в данном случае лицо, совершая преступное посягательство, разрушает социальные связи и урегулированные правом социальные отношения, нарушает установленный правопорядок. А это всегда влечет за собой неблагоприятные изменения в социальной действительности, объектах уголовно-правовой охраны³⁸. Как социально-правовое явление вред находит свое отражение в последствиях реализованной опасности, т.е. в тех неблагоприятных и опасных изменениях, которые наступают для личности, общества и государства. Поэтому если деянием не причиняется вред (не создается оснований для причинения вреда), то нет никаких оснований такое деяние считать преступным. Именно размер причиненного вреда

влияет на характер и степень общественной опасности преступления и выступает главным катализатором того, что конкретное деяние признается преступным.

Преступному вреду присущи как общие свойства результата (последствия) деяния человека, так и специальные уголовно-правовые признаки, характеризующие преступную природу результата (последствия)³⁹. В этом качестве вред выступает своеобразным обстоятельством криминализации (декриминализации) общественных отношений, условием дифференциации уголовной ответственности, разграничением между преступлением и правонарушением (малозначительным деянием). Иначе говоря, именно преступный вред характеризует то или иное деяние человека как общественно опасное (а не наоборот), является предпосылкой уголовной ответственности, выявляет объект посягательства (те ценности, которые подвергаются противоправному воздействию), помогает дифференцировать преступления, отграничить правонарушения от преступлений (в этом случае задействуется механизм определения деяния как малозначительного), структурировать наказание и т.д.⁴⁰

С этой точки зрения мы полагаем, что *преступлением должно признаваться (являться) наносящее вред охраняемым отношениям деяние, совершенное физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе.*

³⁸ См.: Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. 2016. № 8. С. 68; Марцев А. И. Указ. соч. С. 14.

³⁹ И. А. Анисимова делает вывод о том, что преступный результат характерен исключительно для умышленных преступлений, т.к. лицо стремится к достижению поставленных целей, его деятельность мотивированна и целенаправленна, а преступные последствия характерны для неосторожных преступлений, поскольку здесь лицо пренебрегает определенными правилами безопасности или не соблюдает их, т.е. отсутствует детерминированность (Анисимова И. А. Уголовно-правовое значение преступного вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 11).

⁴⁰ Говоря о преступлении и причинении им вреда, отметим, что общественным отношениям не причиняется вред. Общественные отношения в любом случае остаются незабываемыми. Кто-то может убить человека, а кто-то — совершить самоубийство. В данной ситуации общественные отношения между людьми остаются незабываемыми, страдают же те блага, интересы, социальные ценности, по поводу которых, собственно говоря, и существуют общественные отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимова И. А. Уголовно-правовое значение преступного вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2008. — 26 с.
2. Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. — 2009. — № 5. — С. 155–159.
3. Велюев И. В. Об объективной стороне преступления. — М. : Юркомпани, 2009. — 271 с.
4. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2022. — 428 с.
5. Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. — Новосибирск : Алт. гос. ун-т, 1991. — 241 с.
6. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.
7. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. — М. : Юрид. лит., 1974. — 230 с.
8. Кленова Т. В. О практике квалификации преступлений в свете теории преступления // Уголовное судопроизводство. — 2023. — № 2. — С. 19–27.
9. Ключко Р. Н. Деяние как признак объективной стороны преступления // Вестник Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. Серия «Правоведение». — 2016. — № 6. — С. 94–99.
10. Львова Е. Ю. Социальная и юридическая сущность преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 23 с.
11. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 520 с.
12. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. — Омск : Омская академия МВД России, 2012. — 75 с.
13. Мирошниченко Д. В. Сущность преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2019. — № 3. — С. 73–78.
14. Нагаева Т. И. Формы и виды преступного деяния : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 51 с.
15. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. — М. : Норма, 2001. — 208 с.
16. Пашин С. А. Понимание преступления // Уголовное право. — 2000. — № 3. — С. 81–89.
17. Пермьяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1989. — 23 с.
18. Плотников А. И. Объективное и субъективное в преступлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 45 с.
19. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 276 с.
20. Степанова В. В. Соотношение общественной опасности и вредности правонарушения // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». — 2014. — № 2. — С. 117–122.
21. Стоянович З. Определение общего понятия преступления в сербской науке уголовного права // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы IV Всерос. науч. конференции с междунар. участием / отв. ред. Е. С. Трезубов. — М., 2020. — С. 770–796.
22. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. — М. : Юстина, 2003. — 478 с.
23. Третьяков И. Л. Учение о преступлении в российском уголовном праве // Юридическая наука: история и современность. — 2020. — № 10. — С. 120–135.
24. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 6 : Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 631 с.
25. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2009. — 549 с.

26. Хилjuta В. В. Уголовное право в эпоху перемен // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 152–159.
27. Шипунова Т. В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. — СПб. : Изд. Санкт-Петербург. ун-та, 2003. — 177 с.
28. Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex russica. — 2016. — № 8. — С. 62–80.

Материал поступил в редакцию 31 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimova I. A. Uголовно-pravovoe znachenie prestupnogo vreda: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2008. — 26 s.
2. Bochkarev S. A. O prirode obshchestvennoy opasnosti prestupleniya // Biznes v zakone. — 2009. — № 5. — S. 155–159.
3. Veliev I. V. Ob obektivnoy storone prestupleniya. — M.: Yurkompani, 2009. — 271 s.
4. Gerasimov A. M. Teoriya uголовnogo pravonarusheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 2022. — 428 s.
5. Zemlyukov S. V. Uголовно-pravovye problemy prestupnogo vreda. — Novosibirsk: Alt. gos. un-t, 1991. — 241 s.
6. Ivanov N. G. Obshchestvennaya opasnost deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii. — M.: Prospekt, 2021. — 80 s.
7. Karpushin M. P., Kurlyandskiy V. I. Uголовnaya otvetstvennost i sostav prestupleniya. — M.: Yurid. lit., 1974. — 230 s.
8. Klenova T. V. O praktike kvalifikatsii prestupleniy v svete teorii prestupleniya // Uголовное sudoproizvodstvo. — 2023. — № 2. — S. 19–27.
9. Klyuchko R. N. Deyanie kak priznak obektivnoy storony prestupleniya // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Ya. Kupaly. Seriya «Pravovedenie». — 2016. — № 6. — S. 94–99.
10. Lvova E. Yu. Sotsialnaya i yuridicheskaya sushchnost prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — 23 s.
11. Maltsev V. V. Kurs rossiyskogo uголовnogo prava. Obshchaya chast: v 4 t. T. 3: Prestuplenie. Kn. 1: Kategoriya «prestuplenie» v uголовnom prave. — M.: Yurlitinform, 2017. — 520 s.
12. Martsev A. I. Prestuplenie: sotsialno-pravovoy analiz. — Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2012. — 75 s.
13. Miroshnichenko D. V. Sushchnost prestupleniya // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. — 2019. — № 3. — S. 73–78.
14. Nagaeva T. I. Formy i vidy prestupnogo deyaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2012. — 51 s.
15. Novoselov G. P. Uchenie ob obekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty. — M.: Norma, 2001. — 208 s.
16. Pashin S. A. Ponimanie prestupleniya // Uголовное pravo. — 2000. — № 3. — S. 81–89.
17. Permyakov Yu. E. Kategoriya «obshchestvennaya opasnost» v sovetskom uголовnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1989. — 23 s.
18. Plotnikov A. I. Obektivnoe i subektivnoe v prestuplenii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2013. — 45 s.
19. Pudovochkin Yu. E. Uchenie o prestuplenii: izbrannye lektsii. — M.: Yurlitinform, 2010. — 276 s.
20. Stepanova V. V. Sootnoshenie obshchestvennoy opasnosti i vrednosti pravonarusheniya // Vektor nauki TGU. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2014. — № 2. — S. 117–122.
21. Stoyanovich Z. Opredelenie obshchego ponyatiya prestupleniya v serbskoy nauke uголовnogo prava // Tendentsii razvitiya yuridicheskoy nauki na sovremenном etape: materialy IV Vseros. nauch. konferentsii s mezhdunar. uchastiem / otv. red. E. S. Trezubov. — M., 2020. — S. 770–796.

22. Ter-Akopov A. A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti v ugovnom prave. — M.: Yustina, 2003. — 478 s.
23. Tretyakov I. L. Uchenie o prestuplenii v rossiyskom ugovnom prave // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost. — 2020. — № 10. — S. 120–135.
24. Uголовное право. Obshchaya chast. Prestuplenie. Akademicheskij kurs: v 10 t. T. 6: Obekt prestupleniya. Obektivnaya storona prestupleniya / pod red. N. A. Lopashenko. — M.: Yurlitinform, 2016. — 631 s.
25. Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya / pod red. V. S. Komissarova, A. I. Korobeeva, Khe Binsuna. — SPb.: Yuridicheskij tsentr-Press, 2009. — 549 s.
26. Khilyuta V. V. Uголовное право v epokhu peremen // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4. — S. 152–159.
27. Shipunova T. V. Vvedenie v sinteticheskuyu teoriyu prestupnosti i deviantnosti. — SPb.: Izd. Sankt-Peterb. un-ta, 2003. — 177 s.
28. Shkabin G. S. Vred v ugovnom prave: vidy i pravovoe regulirovanie // Lex russica. — 2016. — № 8. — S. 62–80.